

Т. Салминен*Институт изучения культуры, отделение археологии**Университет г. Хельсинки, Финляндия**Institution of Cultural Research, Department of Archaeology**P.O. Box 59 (Unioninkatu 38 F) 00014, University of Helsinki, Finland**E-mail: timo.salminen@pp3.inet.fi*

ФИНСКИЕ АРХЕОЛОГИ В РОССИИ И СИБИРИ В 1870–1935 ГОДЫ

В XVIII – начале XX в. археология оформилась как наука и начала развиваться в Европе. Исследовательская деятельность была связана с работой в музеях; в этот период создавались археологические институты и научные общества, началось академическое преподавание археологии в университетах. В некоторых странах профессия археолога появилась еще до создания системы институтов. К ним относилось и Великое княжество Финляндское в составе Российской империи. В то же время были страны, где система образовательных учреждений существовала достаточно давно, однако специальность археология в них отсутствовала. Археологи, не имевшие профессиональной подготовки в этой области, очень долго сохраняли статус любителей [Miller, 1956, p. 9–39; Gräslund, 1974, s. 17–30, 113–117; Trigger, 1989, p. 27–86; Malina, Vašíček, 1990, p. 8–40, 53–54; Salminen, 1993].

Археологические исследования, проводившиеся в XIX в. в отдельных государствах, были связаны с изучением исторического прошлого. В период вхождения Финляндии в состав Российской империи важно было рассказать финнам о том, кто их предки [Trigger, 1978, p. 93–95; 1989, p. 162, 174; Lõugas, 1988, lk. 39–40; Hides, 1996; Díaz-Andreu, 1996, p. 49–54; Karjahärm, Sirk, 1997, lk. 209–214].

В Финляндии было необходимо показать финноязычным гражданам их национальную особен-

ность и дать основу для самоуважения, чтобы они могли занять в обществе равное положение с высшим шведоязычным дворянским классом [Hinsley, 1989, p. 79–80, 86–96; Kehoe, 1989; Lévi-Strauss, 1974, p. 16–22; Barthes, 1994, s. 180–189; Salminen, 2003b, s. 33–34].

В Финляндии перед археологией была поставлена задача найти в процессе исследований в доисторическом прошлом национальную идентичность – финскую, или финно-угорскую. Лишь позднее для археологов станет возможным изучение развития различных типов артефактов. В отличие от Швеции, где О. Монтелиус рассматривал эволюцию вещей как основную задачу археологии, в Финляндии акцент был поставлен на другое [Aspelin, 1875b, s. 1–3; Salminen, 1993, s. 15–17; 2003b, s. 20].

Сегодня в западно-европейской археологии считается, что национальное самоопределение, язык и материальная культура не обязательно связаны между собой, они развиваются и меняются независимо друг от друга [Ipsen, 1995, p. 51–52; Hides, 1996, p. 25–27; Jones, 1996; Ligi, 1993b].

В археологии материальные находки имеют основополагающее значение для интерпретации исторических событий. В археологических исследованиях центральное место занимает проблема прогресса. Отметим, что меняются и подходы к интерпретации материала. Характерным примером могут служить трактовки историков

XIX–XX вв. расселения финнов на территории Финляндии. Без использования формулировок урало-алтайской теории Й.Р. Аспелину пришлось бы пойти вразрез с традицией М.А. Кастрена. Последующие годы показали, что трактовка этих данных Й.Р. Аспелиным оказалась ошибочной, но в то время она была в ряду возможных. Позднее, в 1950-х гг., ученые в Эстонии создали теорию переселения 5 тыс. л.н. предков эстонцев на южный берег Финского залива; как казалось, она основывалась на археологическом материале [Moora, 1956; Ligi, 1993a, б, 1994a, б; Tõnisson, 1994; Klejn, 1994].

Ранняя археология в Западной Европе и России

В Дании на рубеже XVIII–XIX вв. был основан национальный музей, для которого требовалось собрать археологические материалы. Научным основанием для его анализа стало разделение древней истории на три технологических периода. С середины XIX в. скандинавские методы распространились по всей Европе [Gräslund, 1974, s. 200, 204–206; Klindt-Jensen, 1975, p. 46–87; Muurimäki, 1980, s. 19–20; Trigger, 1989, p. 74]. При изучении объектов материальной культуры европейские археологи применили и естественно-научные методы. В результате появились типологический метод и метод относительной хронологии, при помощи которых они обосновывали культурно-исторические интерпретации археологического материала. Разработка типологии артефактов в этот период была связана с музейной деятельностью [Montelius, 1891, s. 1–2; Gräslund, 1974, s. 200–218; Klindt-Jensen, 1975, p. 84, 136; Trigger, 1989, p. 155; Malmer, 1995, p. 20; Almgren 1995, p. 24–26].

После появления концепции О. Монтелиуса первым важным достижением европейской археологии стала идея культурных кругов. Корни этой идеи восходят к этнографии, влияние которой на археологию было велико (подробнее об этом см.: [Miller, 1956, p. 54; Klindt-Jensen, 1975, p. 97–115, 125–133; Kühn, 1976, S. 275–277; Trigger, 1978, p. 66–67; 1989, p. 163–167, 170 etc.]).

В России в результате возрастающего интереса к славянским древностям были обнаружены хроники, в которых упоминались и финно-угорские народы. Таким образом, были созданы предпосылки для проведения учеными из Финляндии исследований в России. До XX в. ученых было немного, не было профессии археолога [Miller, 1956; p. 174–175; Формозов, 1986, с. 8–17, 20–34,

44–49; Trigger, 1989, p. 208–212; Оконникова, 2002, с. 38–48; Сафонов, 2004б, с. 57–61].

Археологией каменного века занимались преимущественно биологи, географы и геологи. Некоторые из них, например А.А. Штукенберг, Н.Ф. Высоцкий и Д.Н. Анучин, активно сотрудничали с финскими учеными. Особое значение для финской археологии имела работа, проводимая А.А. Иностранцевым и И.С. Поляковым; очень полезными оказались результаты, полученные А.С. Уваровым [Формозов, 1986, с. 62–68; Исследователи..., 2004, с. 58–59, 307; Сафонов, 2004а, б]. Ученые из Европейских стран имели возможность работать в России [Salminen, 2003б, s. 32–33; Формозов, 1986, с. 54].

Рождение финской археологии

Начиная с 1810-х гг. основной предпосылкой для появления археологии в Финляндии стал интерес к прошлому. В самом начале в задачи археологии входили сбор образцов народной поэзии и традиций, а также исторические исследования. Позднее романтизм стал политической программой, нацеленной на создание равных прав для финно- и шведоязычного населения, на поиск основ для национального самоопределения финнов. Одним из средств для этого стала история, в т.ч. древняя [Snellman, 1899; Castren L., 1944, s. 257–266; Rommi, Pohls, 1989, s. 73–75; Jussila, 1989, s. 161; Hobsbawm, 1994; Virtanen, 2001, s. 64–75, 85–92, 96; Engman, 2001, s. 33]. В результате уже в 1860-х гг. удалось достичь некоторых из поставленных целей. В 1863 г. император Александр II вынес постановление, уравнивая финский и шведский языки в Великом княжестве Финляндском. Регулярно с 1863 г. работал финский парламент, предложивший другую возможность поддержать права финского языка. В частности, были созданы первые финноязычные средние школы [Juva, 1957, s. 330–331; 1961; Rommi, 1964, s. 29–31; 1986, s. 245; Kaarninen M., Kaarninen P., 2002, s. 70–73]. Отношение финнов к России было двойственным: они проявляли верность императору, однако не чувствовали внутренних связей с самой Россией [Jussila, 1989, s. 123–124; Rommi, Pohls, 1989, s. 69–72; Hobsbawm, 1994, s. 98–99, 117; Klinge, 1997, s. 353–363].

В Финляндии истоки интереса к археологии восходят преимущественно к эпохе Просвещения. Лингвистическое представление о финно-угорской группе народов появилось в 1770-х гг. Вслед за этим активно стали собирать образцы народной по-

эзии. Первый вариант Калевалы был опубликован в 1835 г., второе издание вышло в свет в 1849 г. и т.д. А.И. Шегрен (1794–1855) работал в Российской академии наук в Санкт-Петербурге, собирая материал о финно-угорских народах. Тем не менее финно-угорской археологии до 1860-х гг. не существовало [Tallgren, 1924b, s. 30–31, 38–41; 1936, s. 203–204, 206; Nordman, 1968, p. 11–20; Lehtonen, 1972, s. 193–204; Branch, 1973, p. 24–27, 41, 208, 252–256, 262–263; Kokkonen, 1984].

Институционализация финской археологии началась с основания в 1870 г. Финского археологического общества. Оно стало первой организацией, которая смогла активно поддерживать развитие археологии в Финляндии. Закон об охране древностей вышел в 1883 г., а спустя год появилась Археологическая комиссия [Tuominen, 1975, s. 10–19; Härö, 1984].

Ранние финские исследования в России

Финские ученые и археологи-любители еще в XVIII в. неоднократно совершали экспедиции в Россию, в частности в Сибирь. А.И. Шегрен, который привлекался Российской академией наук к изучению финно-угорских народов, был знаком с материалами ранних финских и других экспедиций [Aalto, 1971, p. 13–28; Stipa, 1990, s. 156–158, 167–184; Branch, 1999, p. 123–127]. Он глубоко изучил историю и культуру финно-угорских народов. Его интерпретации и теории стали основой для работ М.А. Кастрена (1813–1852), а также повлияли на исследования венгерских ученых [Aalto, 1971, p. 28–29; Branch, 1999, p. 127–134].

Центральной фигурой исследовательской деятельности на востоке и развития ранней финской археологии в целом стал М.А. Кастрен. По его мнению, археология представляла собой доисторическую этнографию, а суть этнографии – в изучении расселения и классификации народов [Castrén M.A., 1857, s. 8; Aspelin, 1875b; Lehtonen, 1972, s. 200–203; Salminen, 1993, s. 14–17; 2003b, s. 38–40]. М.А. Кастрен – первый финн, проводивший археологические раскопки в России в Минусинском округе в 1847 г., был лингвистом. Он отправился в экспедицию по заданию Российской академии наук. Научные организации в Финляндии появились несколько позже. Ученые поставили целью создать центр финских исследований в Финляндии [Branch, 1999, p. 133–136; Salminen, 2003a, s. 101–102].

Исследовательская деятельность в России, в частности в Сибири, стала центральным направле-

нием в финской археологии в 1870-х гг. Основные ее составляющие – работа в музеях, покупка артефактов для финских музейных коллекций и проведение собственных археологических раскопок. С конца 1880-х гг. в связи с расшифровкой древних рунических надписей, найденных в Сибири и Монголии, большое значение приобрели лингвистические исследования. В артефактах старались выявить национальные корни финно-угорских народов. Так казалось возможным найти истоки финского этноса и проследить путь финнов в Финляндию. В начале XX в. эта идея потеряла актуальность, поскольку эти надписи оказались тюркскими [Salminen, 1998, 2003a; Anthony, 2001, p. 11–17, 29–30; Carpelan, 2001, p. 37; Carpelan, Parpola, 2001, p. 55; Francfort, 2001; Kuz'mina, 2001].

Первая археологическая экспедиция из Финляндии в Россию состоялась в 1871 г.

Научная деятельность

Й.Р. Аспелина

Й.Р. Аспелин был историком, изучал средневековье. Он нашел русские хроники, в которых говорилось о прошлом финнов. Археология стала основным его занятием приблизительно в 1869 г. Й.Р. Аспелин являлся одним из основателей Финского археологического общества [Tallgren, 1920; 1936, s. 208–210; Salminen, 1993, s. 50; 1996; 2003a, s. 102–104; 2003b, s. 43–44, 97; Jaanits, 1995, lk. 9–18]. Идеи Й.Р. Аспелина были созвучны идеям раннего романтизма. Используя методы скандинавской археологии, он пытался найти предполагаемых предков финнов и проследить их передвижения от первоначальных мест обитания до современных территорий проживания [Aspelin, 1875b, s. 1–2; Tallgren, 1936, s. 219–220; 1937; 1944, s. 71–73; Nordman, 1968, p. 20–21; Salminen, 1992; 1993, s. 14–17]. Й.Р. Аспелин хотел показать самим финнам, русским и всему миру, что у предков финского народа есть древняя культура и историческое прошлое. Благодаря эпической поэме Калевала, о финнах узнали другие европейские народы, однако их история оставалась им неизвестной [Aspelin, 1872; Tallgren, 1936, s. 220; Wahle, 1950, S. 95; Salminen, 2003b, s. 44]. В 1869 и 1871 гг. Й.Р. Аспелин совершил исследовательские поездки в Швецию, затем в Россию, где изучал различные музейные коллекции и проводил раскопки [Tallgren, 1937, s. 93–97; Salminen, 1996, lk. 43; 2003b, s. 44]. Он также занимался изучением русской литературы в Московском университете под руководством проф. Ф. Буслаева. К октябрю

1872 г. Й.Р. Аспелин получил общее представление о древней истории финского народа [Salminen, 2003б, s. 53–55].

Еще один финский ученый в том же году проводил раскопки в России, частично сотрудничая с Й.Р. Аспелиным. Им был Д. Европеус (1820–1884), поначалу лингвист, для которого археология являлась в основном средством поиска подтверждений лингвистических теорий. Источниками для него служили топонимы, а также физическая антропология, преимущественно краниология. Д. Европеус во многом был не согласен с выводами Й.Р. Аспелина [Pál Hunfalvy ja suomalaiset..., 1987, s. 16–25; Halila, 1988, s. 12–13; Lehtikoinen, 1988, s. 113–116; Edgren, 1988, s. 128–129]. По мнению Д. Европеуса, проф. А. Альквист и акад. А. Шифнер неверно представили результаты исследований М.А. Кастрена. Он посчитал своей обязанностью уточнить их интерпретации [Salminen, 2003б, s. 48].

В 1874 г. Й.Р. Аспелин изложил перед Финским археологическим обществом план создания в Хельсинки Финно-угорского центрального музея. Он считал Финляндию самым подходящим местом для археологического музея финно-угорских народов, к тому же в Хельсинки уже имелись археологические коллекции, найденные за пределами страны. Задачи, стоявшие перед сравнительной археологией, требовали пополнения этих коллекций [Suomen Muinaismuistoyhdistyksen röytäkirjat, 1909, s. 291–292].

Й.Р. Аспелин защитил диссертацию в феврале 1876 г. Его наиболее значимые научные интерпретации прошлого касались бронзового века. Й.Р. Аспелин предположил распространение цивилизации бронзового века с Алтая на Урал и в Восточную Европу, где она получила продолжение в ананьинской культуре, которую он связал с финно-угорскими культурами позднего железного века. Таким образом, частично следуя языковой теории М.А. Кастрена, Й.Р. Аспелин пришел к убеждению, что нашел корни финнов на Алтае и проследил их перемещение по Европе.

В мае 1876 г. Й.Р. Аспелин предложил другой проект – рассчитанную на четыре года программу археологических исследований финских ученых в России. Предполагалось, что Финно-угорский центральный музей получит обширные коллекции и возможность представить материалы, хранящиеся в других музеях. Исследования, которые планировалось начать с Польши и Прибалтики, должны были охватить территорию как минимум до восточных склонов Уральских гор, а возможно, до Оби и Алтая. Одна из наиболее важных задач – научиться разграничивать “финно-угорский, сла-

вянский и готский” типы артефактов. Необходимо было прояснить также взаимосвязь между культурами бронзового века Урала и Алтая и более молодыми памятниками финно-угорских народов. Й.Р. Аспелин наметил план обширной исследовательской деятельности в России еще в 1872 г.; эта программа стала продолжением его первого проекта [Aspelin, 1875a; Suomen Muinaismuistoyhdistyksen röytäkirjat, 1915, s. 19–21; Tallgren, 1916, s. 273–275; Lehtonen, 1972, s. 205; Niiranen, 1987, s. 43]. Для осуществления грандиозных замыслов в распоряжении Й.Р. Аспелина было не очень много людей, к тому же финская археология и охрана древностей требовали все больше внимания. Воплотить задуманное можно было лишь частично. Наиболее важные экспедиции были отправлены на Волгу в 1883 и 1884 гг., в окрестности Минусинска – в 1887–1889 гг. (с целью изучения надписей) и на Урал – в 1893 г.

Й.Р. Аспелин считал, что ученые Финляндии имеют право на изучение древней истории финно-угорских народов на всей территории их расселения. Участники первой экспедиции на Енисей в 1887 г., по его выражению, подняли флаг финской науки в Сибири. Й.Р. Аспелин не раз высказывал мысль о землях, “завоеванных” финской наукой [Suomen Muinaismuistoyhdistyksen röytäkirjat, 1909, p. 291–292; Salminen 2003б, s. 63–65, 80]. Эта идея декларировалась вплоть до 1920-х гг., но реально до появления в 1917 г. статьи А.М. Тальгрена “Вклад Финляндии в развитие азиатской археологии” крупных исследовательских планов не было [Tallgren, 1917].

Традиция, начало которой положил Й.Р. Аспелин, получила продолжение в исследованиях А.О. Гейкеля (1851–1924), Я. Аппельгрена-Кивало (1853–1937), Ю. Айлио (1872–1933) и А.М. Тальгрена (1885–1945). А.О.К. Гейкель и Я. Аппельгрена-Кивало издали материалы экспедиции Й.Р. Аспелина в Южную Сибирь [Helkel, 1912; Appelgren-Kivalo, 1931].

Идея земель “научных завоеваний” в начале XX века

В последние годы присутствия Финляндии в составе Российской империи уже научные сообщества активно не занимались финно-угорской археологией, она опять стала областью частных интересов отдельных ученых, почти как в начале 1870-х гг.

А.М. Тальгрена наметил новые задачи для финской археологии. Финский национальный музей в какой-то мере стал центральным финно-угорским

музеем, как и хотел Й.Р. Аспелин. Впрочем, выразилось это лишь в появлении отделов, посвященных каменному веку Олонца и бронзовому веку Центральной России. А.М. Тальгрэн предсказывал, что Азия станет континентом будущего в сфере независимой экономики и государственности, но ее время как объекта научных исследований уже началось. Ученые Финляндии должны были следовать по пути М.А. Кастрена и Й.Р. Аспелина, но более широко рассматривать этнокультурную проблематику. Истоки финского этноса предстояло искать главным образом в Центральной Азии. Поиск планировалось начать в Российском Туркестане и Иране. Собранная там информация могла пролить свет и на доисторическое прошлое финно-угорского населения Северной России. Обширные территории до Енисея уже стали землями “научных завоеваний” для финской археологии [Tallgren, 1916, s. 275; 1917].

По мнению А.М. Тальгрэна, задачи финских исследователей не были привязаны к изучению какой-либо конкретной нации или племени. Их реализация внесла вклад в финскую археологию; по существу они были интернациональными. Национальные и интернациональные направления исследований должны были развиваться одними темпами. Фактически, это было ясно уже Й.Р. Аспелину, но в его годы при определении научных целей преобладали идеологические установки, а во времена А.М. Тальгрэна определяющими стали сами археологические проблемы.

Отличались и конкретные задачи, которые необходимо было решать. Ученых интересовал вопрос: как возник фатьяновский культурный комплекс – появилась ли культура непосредственно в Центральной России или пришла туда с запада? Если она исконно индоевропейская, то тогда с ней связана культура боевых топоров. Данный вопрос затрагивался в диссертации А.М. Тальгрэна и позднее изучался им самим и А. Эйрпя (1887–1971) [Tallgren, 1919, s. 3–7; Äyrylä, 1933, S. 16–23, 49–53, 88–89, 96–109, 149–154]. Каков же общий источник уральских и алтайских культур бронзового века? Он, возможно, находился где-то между территориями Китая и Венгрии, но особый интерес представляли степи Туркестана. Решение этой проблемы было слишком сложным для археологов Финляндии [Tallgren, 1919, s. 7–8]. Если говорить о железном веке, то, по мнению А.М. Тальгрэна, наибольший интерес представляла торговля между Индией и Пермским краем. Все еще не было изучено должным образом алтайское влияние на искусство Сибири и скандинавскую культуру в России. Особый интерес представляли также ре-

лигии населения Пермского края. Чтобы получить новые результаты, необходимо было объединить археологические, фольклорные, лингвистические и исторические исследования [Ibid, s. 9–16; Kivikoski, 1954, p. 131–140].

Сам А.М. Тальгрэн в ряде статей обсуждал связи культур железного века Европы и Азии. По сравнению с Й.Р. Аспелиным, который, в первую очередь занимался этнической проблематикой, он изучал общие культурно-исторические вопросы [Tallgren, 1924a, 1925]. В 1920-х гг. А.М. Тальгрэн планировал силами университетов Хельсинки и Тарту проводить археологические исследования в России. Предполагалось, что эстонские ученые будут заниматься изучением древней истории Ливонии, Ингрии и более отдаленных российских территорий вплоть до р. Оки, а финские – проводить исследования в Сибири, Центральной Азии, степях на юге России и в российской Карелии. Эти планы касались не только археологии, но и этнографии. И. Маннинен (1894–1935) – директор Эстонского национального музея – вел активную деятельность на востоке. Эстонские археологи Х. Моора (1900–1968) и Э. Лайд (1904–1961) проявили интерес к России, но не достигли значительных результатов [Tallgren, 1924b, s. 24; Moora, 1932, lk. 29; Linnus, 1995a, lk. 39; 1995b, lk. 93–94; 1995b; Jaanits, 1995, lk. 14].

В конце 1917 г. и последующих годов события, связанные с революцией в России, помешали осуществлению этих планов, кроме того, отношения между двумя странами в 1920–1940-х гг. не были благоприятными для научного сотрудничества. Этнографы и лингвисты, занимавшиеся финно-угорской проблематикой, пытались синтезировать полученные ранее результаты [Lehtonen, 1972, s. 222–228; Vuorela, 1977, s. 50–51, 58–59; Louheranta, 2006, s. 191–193, 267].

“Eurasia Septentrionalis Antiqua”

Еще в 1910-х гг. А.М. Тальгрэн задумал издание научной серии по российской археологии. Она начала выходить в середине 1920-х гг. под названием “Eurasia Septentrionalis Antiqua” (ESA). Создание серии ESA было частью плана А.М. Тальгрэна поднять авторитет финских археологических исследований, сделав их более интернационально ориентированными. Ученый даже предпринял попытку убедить шведского археолога Т.Й. Арне стать вторым редактором этой серии.

А.М. Тальгрэн стремился организовать издание трудов по археологии под эгидой Финского археоло-

гического общества. В 1910-х и начале 1920-х гг. экономическое положение общества было плачевным, и реальной помощи оно оказать не могло. В 1924 г. А.М. Тальгрэн и профессор этнографии У.Т. Сирелиус (1872–1929) предложили новообразованным академическим кафедрам археологии и этнографии предоставлять материалы для публикаций. По их мнению, в Европе именно финские ученые должны были сыграть ведущую роль в археологических исследованиях Евразии. Единственными их конкурентами могли стать поляки, но они были сосредоточены на организации научной жизни в своей стране. Решение о создании серии ESA было принято в октябре 1926 г. [Kokkonen, 1994; Salminen, 2003b, s. 145–146].

Вследствие проводимой Сталиным политики возможности финских ученых издавать труды по российской археологии с каждым годом уменьшались. А.М. Тальгрэн в условиях ограничения контактов Советского Союза с зарубежными странами, а также из-за высказанного им протеста по поводу ареста академика С.А. Жебелева в 1928 г. и репрессий в отношении советских археологов в 1935 г. уже более не мог получать новые материалы [Kivikoski, 1960, p. 63–64; Laitila, 1997]. Была и другая причина: древняя история Финляндии требовала все больше внимания и молодые археологи сосредоточили усилия на ее изучении, что не позволяло им заниматься крупномасштабными проблемами азиатской доистории. Советские ученые хотели сотрудничать с финскими коллегами, но были вынуждены отклонять их предложения, поскольку в СССР финская археология считалась служанкой буржуазно-националистической идеологии. Критические статьи А.М. Тальгрэна вызвали негативную реакцию у некоторых советских ученых, таких как М. Худяков, В. Гольмстен и С. Быковский. М. Пальвадре обвинил Финское литературное общество, Финское археологическое общество, Финно-угорское общество и Финскую академию наук в сотрудничестве с крайним правым политическим движением Финляндии. Очевидно, что эти нападки были частью идеологической войны [Ailio, 1913; Tallgren, 1913, 1935; Худяков, 1931, 1934; Гольмстен, 1932; Быковский, 1932; Пальвадре, 1931; Кутяшов, 1931].

Пока советские археологи могли сотрудничать с зарубежными коллегами, ситуация с серией ESA оставалась стабильной. Усиление авторитаризма в СССР подорвало это сотрудничество. Никакого смысла продолжать выпуск ESA больше не было [Miller, 1956, p. 56–57, 93; Salminen, 2003b, s. 146].

Периодизация изучения финскими исследователями археологических памятников в России

Финские археологические исследования в России можно разделить на четыре периода и переходные стадии.

В первый период исследования проводились по инициативе и при поддержке российских учреждений. Самым значительным примером была длительная экспедиция М.А. Кастрена в Сибирь в 1845–1849 гг. Финские научные организации были не настолько развиты, чтобы руководить работой такого масштаба. Скандинавские археологические методы не были хорошо известны в Финляндии, и финские ученые еще не могли сами интерпретировать найденные материалы; это стало возможным только через 30 лет.

Второй период начался ок. 1870 г., когда финны стали по собственной инициативе проводить археологические исследования на востоке. Появление сравнительно-типологического метода открыло перед археологами новые возможности поиска ответов на свои вопросы. Перед археологией можно было ставить крупные задачи. Наука оказалась тесно связана с идеологией финского национального движения “*Fennomania*”, которое ставило научные проблемы и определяло целые направления в науке. Конкретной задачей было учредить центральный Музей финно-угроведения в Хельсинки.

Полевые работы в России проводились в 1872–1874 и 1883–1891 гг. Одновременно велись небольшие научные исследования в Прибалтике и других соседних регионах. В результате, расширения поля деятельности удалось установить, что многие древние материалы, которые ранее считались финскими, были тюркскими. В рамках третьего периода выделилось археологическое направление, оно опиралось на предшествующие традиции, но уже не имело цели “раскрыть величественную картину древней истории финского народа”. Второе направление было лингвистическое.

Третий период длился со времени подготовки путешествия А.О. Гейкеля на Урал в начале 1890-х гг. до завершения раскопок в Туркестане (1897–1899). В это время начали обсуждаться принципы и цели финской археологии на востоке. У археологов не было ясного представления о том, чем им следует заниматься дальше. Древняя история Финляндии вызывала все больший интерес, а сохранение финских древностей требовало все больше усилий. Возможности же для продолжения работы на востоке были меньше. Тем не менее в эти годы в Хельсинки была привезена первая зна-

чительная русская коллекция М.С. Знаменского из Ильинска (близ Тобольска). Период национально-го пробуждения закончился на рубеже веков, когда финнам пришлось обратить особое внимание на защиту своих конституционных прав и собственной культуры. Поэтому приоритет отдавался изучению древней истории собственной страны, а не финно-угорских народов в целом. Вклад финских археологов в изучении российской древней истории очевиден. В XIX столетии 11 финских археологов путешествовали по России (1871–1874, 1887–1891, 1893, 1896–1899 гг.), в XX в. лишь два – А.М. Тальгрена и ездивший с ним однажды Н. Клеве (1908, 1909, 1915, 1917, 1924, 1925, 1928, 1935 и 1936 гг.). Кроме того, под руководством С. Пяльси (1882–1965) и Й.Г. Гранэ (1882–1956) были совершены два путешествия в Монголию, в 1917 г. состоялась этнографическая экспедиция С. Пяльси на Российский Дальний Восток.

Четвертый период финской археологии в России начался в 1908 г., когда А.М. Тальгрена совершил свою первую поездку на восток. В это время внимание акцентировалось на новых трактовках культур бронзового века Евразии и взаимосвязи между населением Урала и Алтая, а также населением на изучении древностей на территории Финляндии. Трудности с определением истоков финского народа привели А.М. Тальгрена к необходимости изучения древней истории России. После получения независимости Финляндия вошла в культурное пространство западной цивилизации. Важным фактором здесь было существование серии ESA. А.М. Тальгрена придал новый импульс исследованиям на землях “научных завоеваний финских ученых”. Раскопки проводились в 1909 и 1915 гг. Наиболее важными приобретениями стали две коллекции древностей – купцов В.И. Засайлова из Казани (в 1909 г.) и И.П. Товостина из Минусинска (в 1916 г.). Период деятельности А.М. Тальгрена был наиболее плодотворным в плане публикаций за всю историю финских археологических исследований в России; изданные работы получали более широкое распространение, чем прежде [Salminen, 2002].

В 1917 г. Финляндия стала независимым государством, в Хельсинки завершилось создание Финно-угорского центрального музея, но исследовательская деятельность в России не закончилась. Она прекратилась лишь в 1930-х гг. с началом сталинской политики изоляции. В Финляндии формировались благоприятные условия для развития национальной науки. Исследования финских археологов на территории России прекратились уже на рубеже XX в. После появления новой советской

археологии финны утратили интерес к “научным завоеваниям” на востоке и стали стремиться к сотрудничеству с равноправным партнером.

Список литературы*

- Быковский С.Н.** Археология и политика: По поводу недоразумений проф. А.М. Тальгрена // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. – Л., 1932. – № 7/8. – С. 40–43.
- Гольмстен В.** Письмо в редакцию // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. – Л., 1932. – № 7/8. – С. 79–80.
- Исследователи этнографии и археологии Чувашии:** Библиографический словарь. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитарных наук, 2004. – 320 с.
- Кутяшов С.С.** Против национализма в чувашской этнографии // СЭ. – 1931. – № 1/2. – С. 43–63.
- Оконникова Т.И.** Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). – Ижевск: Изд. дом “Удмуртский университет”, 2002. – 174 с. – (Мат-лы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; Т. 5).
- Пальвадре М.Ю.** Буржуазная финская этнография и политика финляндского фашизма // СЭ. – 1931. – № 1/2. – С. 39–43.
- Сафонов И.Е.** А.С. Уваров и начало изучения бронзового века России // История отечественной археологии: дореволюционное время: Мат-лы IV чтений по истории этнографии археологии Евразии. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004а. – С. 25–30.
- Сафонов И.Е.** Некоторые проблемы изучения бронзового века южно-русской степи в археологии последней трети – рубеже XIX–XX вв. // Проблемы первобытной археологии Евразии: К 75-летию А.А. Формозова. – М.: ИА РАН, 2004б. – С. 57–70.
- Формозов А.А.** Страницы истории русской археологии. – М.: ИА АН СССР, 1986. – 237 с.
- Худяков М.Г.** Финская экспансия в археологической науке // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. – Л., 1931. – № 11/12. – С. 25–29.
- Худяков М.Г.** К истории начального периода финляндской археологии // Проблемы истории докапиталистического обществ. – 1934. – № 6. – С. 88–93.
- Aalto P.** Oriental Studies in Finland 1828–1918. – Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1971. – 174 p. – (History of Learning and Science in Finland 1828–1918, N 10b).
- Ailio J.** Kivikautisen kulttuurin kestämisestä // Suomen Museo. – 1913. – Vol. 20. – P. 47–55.
- Almgren B.** The development of the typological theory in connection with the Exhibition in the Museum of National Antiquities in Stockholm // Oscar Montelius

*Приведены преимущественно современные научные публикации. Более подробный библиографический список оригинальных классических трудов и архивных источников см.: [Salminen, 2003а, б, 2006].

150 years: Proceedings of a Colloquium held in the Royal Academy of Letters History and Antiquities. Stockholm, 13 May 1993. *Kungliga Vitterhets-, Historie- och Antikvitets-Akademiens Konferens* 32. – Stockholm: Kungliga Vitterhets-, Historie- och Antikvitets-Akademi, 1995. – P. 23–39.

Anthony D.W. Persistent identity and Indo-European archaeology in the western steppes // *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations: Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne research Station of the University of Helsinki 8–10 January 1999* / Ed. by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio. – Helsinki, 2001. – P. 11–35. – (*Mémoires de la Société Finno-ougrienne*; Vol. 242).

Appelgren-Kivalo H. *Alt-Altäische Kunstdenk-mäler: Briefe und Bildermaterial von I.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889.* – Helsingfors, 1931.

Aspelin J.R. *Bref till en vän i Finland // Morgonbladet.* – 1872. – N 287, 288.

Aspelin J.R. *I frågan om en "Sibirisk expedition" // Morgonbladet.* – 1875a. – N 291.

Aspelin J.R. *Suomalais-ugrilaisen muinaistutkinnon alkeita.* – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1875b. – 369 s. – (*Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia*; N 51).

Äyräpää A. *Über die Streitaxtkulturen in Russland. Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten // Eurasia Septentrionalis Antiqua.* – 1933. – Vol. 8. – S. 1–160.

Barthes R. *Mytologioita: Suom. Panu Minkkinen.* – Helsinki: Gaudeamus, 1994. – 218 s.

Branch M. A. J. *Sjögren: Studies of the north.* – Helsinki: Société Finno-ougrienne, 1973. – 292 p. – (*Mémoires de la Société Finno-ougrienne*; Vol. 152).

Branch M. *The Academy of Sciences in St. Petersburg as a centre for the study of nationalities in the North-East Baltic // National History and Identity: Studia Fennica/Ethnologica.* – 1999. – Vol. 6. – P. 122–137.

Carpelan C. *Late Palaeolithic and Mesolithic settlement of the European north – possible linguistic implications // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations: Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne research Station of the University of Helsinki. 8–10 January 1999* / Ed. by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio. – Helsinki, 2001. – P. 37–53. – (*Mémoires de la Société Finno-ougrienne*; Vol. 242).

Carpelan C., Parpola A. *Emergence, contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in archaeological perspective // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations: Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne research Station of the University of Helsinki. 8–10 January 1999* / Ed. by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio. – Helsinki, 2001. – P. 55–150. – (*Mémoires de la Société Finno-ougrienne*; Vol. 242).

Castrén L. *Adolf Ivar Arwidsson: Nuori Arwidsson ja hänen ympäristönsä.* – Helsinki: Otava, 1944. – 365 s.

Castrén M.A. *Ethnologiska föreläsningar öfver Altaiska folken.* – Helsingfors: Finska Litteratur-Sällskapet, 1857. – 285 s. – (M.A. Castréns nordiska resor och forskningar, IV).

Díaz-Andreu M. *Constructing identities through culture: The past in the forging of Europe // Cultural Identity and Archaeology. The construction of European communities.* – L.; N.Y.: Routledge, 1996. – P. 48–61.

Edgren T. *Europaeus ja muinaistiede // D. E. D. Europaeus, suurmies vai kummajainen: Kalevalaseuran vuosikirja.* – 1988. – Vol. 67. – S. 127–138.

Engman M. *Historikernas folk // Folket: Studier i olika vetenskapers syn på begreppet folk.* – Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 2001. – S. 31–46. – (*Svenska Litteratursällskapet i Finland skrifter*; Vol. 626).

Francfort H.-P. *The archaeology of protohistoric Central Asia and the problems of identifying Indo-European and Uralic-speaking populations // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations: Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne research Station of the University of Helsinki. 8–10 January 1999* / Ed. by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio. – Helsinki, 2001. – P. 151–168. – (*Mémoires de la Société Finno-ougrienne*; Vol. 242).

Gräslund B. *Relativ datering: Om kronologisk metod i nordisk arkeologi.* – Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1974. – T. 16. – 248 s.

Gräslund B. *Oscar Montelius and his Chronology of the Bronze Age // Montelius, Oscar, Dating in the Bronze Age with special reference to Scandinavia / Transl. by H. Clarke.* – Stockholm: Kungliga Vitterhets-, Historie- och Antikvitets-Akademi, 1986. – P. 7–15.

Halila A. *Näkymiä D. E. D. Europaeuksen aatemaailmaan // D. E. D. Europaeus, suurmies vai kummajainen: Kalevalaseuran vuosikirja.* – 1988. – Vol. 67. – S. 11–22.

Härö M. *Suomen muinaismuistohallinto: Muinaistieteellinen toimikunta ja antikvaarinen tutkimus 1884–1917.* – Helsinki: National Board of Antiquities, 1984. – 192 p.

Heikel A.O. *Die grabuntersuchungen und Funde bei Tascheba // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja.* – Helsinki, 1912. – Vol. 26.

Hides S. *The Genealogy of material culture and cultural identity // Cultural Identity and Archaeology: The construction of European communities.* – L.; N.Y.: Routledge, 1996. – P. 25–47.

Hinsley C.M. *Revising and Revisioning the History of Archaeology: Reflexions on Region and Context // Tracing Archaeology's Past: The Historiography of Archaeology* / Ed. by A. L. Christenson. – Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1989. – P. 79–96.

Hobsbawm E. *Nationalismi / Suom. Jari Sedergren, Jussi Träskilä ja Risto Kunnari.* – Tampere: Vastapaino, 1994. – 221 s.

Ipsen J. *Concepts of culture revisited: the dynamics of culture contact // Nordic TAG: The Archaeologist and His/Her Reality: Report from the fourth Nordic TAG conference Helsinki 1992* / Ed. by Maija Tusa, Tuija Kirkinen. – Helsinki, 1995. – P. 51–57. – (*Helsinki Papers in Archaeology*; Vol. 7).

- Jaanits L.** Muinasteadus Tartu ülikoolis 1920–1940 // Muinasaja teadus 3: Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuurialoolisi aspekte. – Tallinn: Eesti Teaduste Akademia kirjastus, 1995. – Lk. 9–53.
- Jones S.** Discourses of identity in the interpretation of the past // Cultural Identity and Archaeology: The construction of European communities. – L.; N.Y.: Routledge, 1996. – P. 62–80.
- Jussila O.** Suomalaisuusliike Venäjän paineessa vuosina 1890–1917 // Herää Suomi: Suomalaisuusliikkeen historia. – Kuopio: Kustannuskiila, 1989. – S. 123–173.
- Juva M.** Skandinavismens inverkan på de politiska strömningarna i Finland // Historisk Tidskrift. – 1957. – N 4. – S. 329–341.
- Juva M.** Nationalism, liberalism och demokrati under språkstridens första skede i Finland // Historisk Tidskrift. – 1961. – N 4. – S. 357–368.
- Kaarninen M., Kaarninen P.** Sivistyksen portti: Ylioppilastutkinnon historia. – Helsinki: Otava, 2002. – 396 s.
- Karjahärm T., Sirk V.** Eesti haritlaskonna kujunemine ja ideed 1850–1917. – Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 1997. – 424 + XVI lk.
- Kehoe A.B.** Contextualizing Archaeology // Tracing Archaeology's Past: The Historiography of Archaeology / Ed. by A.L. Christenson. – Carbondale, Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1989. – P. 97–106.
- Kivikoski E.** A.M. Tallgren. 1885–1945 // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – 1954. – Suppl. vol. – P. 77–145.
- Kivikoski E.** Tehty työ elää. A.M. Tallgren. 1885–1945. – Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 1960. – 74 p.
- Klejn L.S.** Overcoming national romanticism in archaeology // Fennoscandia Archaeologica. 1994. – Vol. 11. – P. 87–88.
- Klindt-Jensen O.** A History of Scandinavian Archaeology. – L.: Thames & Hudson, 1975. – 144 p.
- Klinge M.** Keisarin Suomi / Suom. Marketta Klinge. – Helsinki: Schildts, 1997. – 542 s. – (Suomen historia; Vol. 3).
- Kokkonen J.** The Concept of the Finnic Peoples and the Early Stages of Archaeology in Finland // Fenno-ugri et slavi 1983: Papers presented by the participants in the Soviet-Finnish Symposium "Trade, Exchange and Culture Relations of the peoples of Fennoscandia and Eastern Europe". 9–13 May 1983 in the Hanasaari Congress Center. Iskos. – Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 1984. – Vol. 4. – P. 151–155.
- Kokkonen J.** Aarne Michaël Tallgren and Eurasia Septentrionalis Antiqua // South Asian Archaeology 1993: Proceedings of the 12th International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists held in Helsinki University. 5–9 July 1993. – Helsinki, 1994. – P. 855–862. – (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. 1994, Ser. B; T. 271, N 2).
- Kühn H.** Geschichte der Vorgeschichtsforschung. – Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1976. – 1048 S.
- Kuz'mina E.E.** Contacts between Finno-Ugric and Indo-Iranian speakers in the light of archaeological, linguistic and mythological data // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne research Station of the University of Helsinki. 8–10 January 1999 / Ed. by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio. – Helsinki, 2001. – P. 289–300. – (Mémoires de la Société Finno-ougrienne; Vol. 242).
- Laitila T.** Kenen joukoissa seisot – piirteitä neuvostoetnografiasta // Kaukaa haettua; Kirjoituksia antropologisesta kenttätyöstä: Juhlakirja prof. Matti Sarmelalle. 6.4.1997. – Helsinki: Finnish Anthropological Society, 1997. – S. 237–246.
- Lehikoinen L.** Europaeus kielimiehenä // D. E. D. Europaeus, suurmies vai kummajainen: Kalevalaseuran vuosikirja. – 1988. – Vol. 67. – S. 108–116.
- Lehtonen J.U.E.** U. T. Sirelius ja kansatiede. – Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 1972. – 304 s. – (Kansatieteellinen arkisto; N 23).
- Lévi-Strauss C.** The Savage Mind. – L.: Weidenfeld & Nicolson Ltd., 1974. – 290 p.
- Ligi P.** Henrik, Körber, Engels ning Eesti ühiskond muinasajal // Looming. – 1993a. – N 8. – Lk. 1132–1138.
- Ligi P.** National romanticism in archaeology: The paradigm of Slavonic colonization in North-West Russia // Fennoscandia Archaeologica. – 1993b. – Vol. 10. – P. 31–40.
- Ligi P.** "Active Slavs and Passive Finns": A reply // Fennoscandia Archaeologica. – 1994a. – Vol. 11. – P. 104–112.
- Ligi P.** Poliitika, ideoloogia ja muinasteadus // Looming. – 1994b. – N 1. – Lk. 110–121.
- Linnus J.** Arheoloogiaprofessor A.M. Tallgren ja Eesti Rahva Muuseum // Kleio, Ajaloo ajakiri. – 1995a. – N 1. – Lk. 37–40.
- Linnus J.** Ilmari Manninen ja Eesti etnograafia // Annales Litterarum Societatis Esthonicae (Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat) 1988–1993. – Tartu: Õpetatud Eesti Selts, 1995b. – Lk. 88–97.
- Linnus J.** Õpetatud Eesti Seltsi tegevus etnograafia valdkonnas // Annales Litterarum Societatis Esthonicae (Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat) 1988–1993. – Tartu: Õpetatud Eesti Selts, 1995c. – Lk. 18–21.
- Louheranta O.** Siperiaa sanoiksi – uraalilaisuutta teoiksi, Kai Donner poliitiseena organisaattorina sekä tiedemiehenä antropologian näkökulmasta. – Helsinki: Helsinki University, 2006. – 420 s. – (Research Series in Anthropology, University of Helsinki, N 9).
- Lõugas V.** Kodu-uurijad ja Eesti arheoloogia kujunemine: Jaan Jung 150 // Kodu-uurimise teateid. – 1988. – Vol. 13. – Lk. 37–55.
- Malina J., Vašiček Z.** Archaeology yesterday and today: The development of archaeology in sciences and humanities. – Cambridge; N.Y.; Port Chester; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1990. – 320 p.
- Malmer M.P.** Montelius on Types and Find-Combinations // Oscar Montelius 150 years: Proceedings of a Colloquium held in the Royal Academy of Letters History and Antiquities. Stockholm, 13 May 1993. Kungliga Vitterhets-, Historie- och Antikvitets-Akademiens Konferenser 32. – Stockholm: Kungliga Vitterhets-, Historie- och Antikvitets-Akademiens, 1995. – P. 15–22.
- Miller M.** Archaeology in the U.S.S.R. – L.: Atlantic Press, 1956. – 232 p.

Montelius O. Den förhistoriska fornforskarens metod och material // *Antiquarisk Tidskrift för Sverige*. – 1891. – Vol. 8, N 3. – S. 1–28.

Moora H. Meie teadusliku töö ülesandeist ja võimalusist väljaspool kodumaad rahvusvahelises ulatuses // *Kultuuri ja teaduse teilt, mõtteid ja uurimusi Tartu ülikooli 300-nda mälestusaasta puhuks*. – Tartu: Loodus, 1932. – Lk. 17–32.

Moora H. Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheoloogia andmeil // *Eesti rahva etnilisest ajaloost: Artiklite kogumik*. – Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1956. – Lk. 41–119.

Muurimäki E. Suomen kiviikauden tutkimuksen historiaa vuoteen 1875: Unpublished MA thesis / Helsinki University, Institution of History, Finnish history. – Helsinki, 1980. – 84 s.

Niiranen T. Axel Olai Heikel: Suomalais-ugrilaisen kansatieteen ja arkeologian tutkija. – Kuopio: Kustannuskiila Oy, 1987. – 243 s. – (Snellman-instituutin julkaisuja; N 4).

Nordman C.A. Archaeology in Finland before 1920. – Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1968. – 82 p. – (History of Learning and Science in Finland 1828–1918; Vol. 14a).

Päl Hunfalvy ja suomalaiset: Kirjeitä vuosilta 1853–1891 / Toim. Viljo Tervonen. – Helsinki: Société Finno-ougrienne, 1987. – 410 s. – (Mémoires de la Société Finno-ougrienne; Vol. 197).

Rommi P. Yrjö-Koskisen linja: Myöntövyvyyssuunnan hahmottaminen suomalaisen puolueen toimintalinjaksi. – Lahti: Kustannusosakeyhtiö Aalto, 1964. – 364 s.

Rommi P. Suomalaisuuden nousu // *Suomen historia*. – Espoo: Weilin + Göös, 1986. – Vol. 5. – S. 245–266.

Rommi P., Pohls M. Poliittisen fennomanian synty ja nousu // *Herää Suomi: Suomalaisuusliikkeen historia*. – Kuopio: Kustannuskiila, 1989. – S. 69–119.

Salminen T. Mitä arkeologialle on tapahtunut? Suomalaisen arkeologian perustaja J.R. Aspelin on ehkä syytä kaivaa historian koipussista 150-vuotisjuhlavuonnaan // *Helsingin Sanomat*. – 1992. – 1 August.

Salminen T. Suomalaisuuden asialla. Muinaistieteen yliopisto-opetuksen syntyvaiheet n. 1877–1923. – Helsinki: Helsinki University, Department of Archaeology, 1993. – 64 s. – (Helsinki Papers in Archaeology; N 6).

Salminen T. Soome arheoloogide Eesti-suhted Aspelinist Tallgrenini – teadusloolisi uurimistulemusi ja probleeme // *Stilus: Eesti Arheoloogiaseltsi teated*. – 1996. – N 1. – Lk. 43–53.

Salminen T. Kysynnän ja tarjonnan laki arkeologiassa – suomalaisten toivotut ja löydettyt juuret // *Muinaistutkija*. – 1998. – N 4. – S. 103–109.

Salminen T. Archaeologists' Siberia // *Siberia: Life on the taiga and tundra* / Ed. by Ildikó Lehtinen. – Helsinki: National Board of Antiquities, 2002. – P. 47–64.

Salminen T. National and international influences in the Finnish archaeological research in Russia and Siberia // *Fennoscandia Archaeologica*. – 2003a. – Vol. 20. – P. 101–114.

Salminen T. Suomen tieteelliset voittomaat: Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935. – Helsinki:

Finnish Antiquarian Society, 2003b. – 278 s. – (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; Vol. 110).

Salminen T. Searching for the Finnish roots, archaeological cultures and ethnic groups in the works of Aspelin and Tallgren // *People, material culture and environment in the north. Proceedings of the 22nd Nordic Archaeological Conference, University of Oulu. 18–23 August 2004: Studia humaniora ouluensia*. – Oulu, 2006. – Vol. 1 – P. 26–32.

Snellman J.V. Valitut teokset. – Porvoo: Werner Söderström, 1899. – 519 s. – (Toinen osa. Kirjoituksia sanomalehdissä ja aikakauskirjoissa).

Stipa G.J. Finnisch-ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus. – Helsinki: Société Finno-ougrienne, 1990. – 437 S. – (Mémoires de la Société Finno-ougrienne; Vol. 206).

Suomen Muinaismuistoyhdistyksen pöytäkirjat. – Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 1909. – Vol. 1: 1870–1875. – 405 s.

Suomen Muinaismuistoyhdistyksen pöytäkirjat. – Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 1915. – Vol. 2: 1876–1885. – 529 s.

Tallgren A.M. Djurhuvudyxor av brons från östra Ryssland // *Finskt Museum*. – 1913. – Vol. 20. – S. 33–39.

Tallgren A.M. Suomen suvun asuma-alueen muinaisuudesta. Muinaistieteellisiä tehtäviä ja tuloksia // *Historiallinen Aikakauskirja*. – Helsinki, 1916. – Vol. 14. – S. 273–303.

Tallgren A.M. Suomen osuus Aasian muinaisuuden tutkimiseen // *Valvoja*. – 1917. – Vol. 37. – S. 329–340.

Tallgren A.M. Uraali-altailaisen arkeologian tehtäviä // *Suomen Museo*. – 1919. – Vol. 26. – S. 1–17.

Tallgren A.M. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen 50-vuotiskertomus // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. – 1920. – Vol. 30, N 3. – S. 1–280.

Tallgren A.M. L'Orient et l'Occident dans l'âge du fer finno-ougrien jusqu'au IXe siècle de notre ère // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. – 1924a. – Vol. 35, N 3. – S. 1–31.

Tallgren A.M. Museomiehen työpöydältä. Kirjoitelmia muinaistieteellisten ja antikvaaristen harrastusten historiasta Suomessa. – Helsinki: Tietosankirja-Osakeyhtiö, 1924b. – 183 s.

Tallgren A.M. Länsi ja itä suomalais-ugrilaisissa rautakausissa n. v:een 800 j. Kr. // *Kalevalaseuran vuosikirja*. – 1925. – Vol. 5. – S. 125–143.

Tallgren A.M. “Pohjanlahdelta Uralille”: Eräitä vanhemman asutushistorian kysymyksiä // *Kalevalaseuran vuosikirja*. – 1935. – Vol. 15. – S. 229–234.

Tallgren A.M. Geschichte der antiquarischen Forschung in Finnland // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. – 1936. – Vol. 10. – S. 199–261.

Tallgren A.M. J. R. Aspelinin uran alkutaipaleelta // *Kalevalaseuran vuosikirja*. – 1937. – Vol. 17. – S. 83–101.

Tallgren A.M. J. R. Aspelin: Hans livsgärning och svenska förbindelser // *Fornvännen*. – 1944. – Vol. 39. – S. 65–82.

Tönnisson E. Miks ei võiks ma olla indiaanlane? // *Looming*. – 1994. – N 6. – Lk. 806–811.

Trigger B.G. Time and Traditions. Essays in Archaeological Interpretation. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1978. – 273 p.

Trigger B.G. A History of Archaeological Thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 500 p.

Tuominen U. Suomen Historiallinen Seura 1875–1975. – Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1975. – 119 s. – (Historiallisia Tutkimuksia; Vol. 97).

Virtanen M. Fennomanian perilliset. Poliittiset traditiot ja sukupolviendynamiikka. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2001. – 410 s. – (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; N 831). – (Sosiaali- ja terveysalan tutkimus- ja kehittämiskeskus (Stakes) julkaisuja).

Vuorela T. Ethnology in Finland before 1920. – Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1977. – 79 s. – (History of Learning and Science in Finland 1828–1918; Vol. 14b).

Wahle E. Studien zur Geschichte der prähistorischen Forschung. – Heidelberg, 1950. – 178 S. – (Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philologisch-historische Klasse; Bd. 1).

Материал поступил в редколлегию 20.10.05 г.